

Александр Фролов

Книга стихотворений

Александр Фролов

ЧАС СОВЫ

Санкт-Петербург
2008

* * *

В.К. – в утешение на пропажу кота

Мы зачем шатаемся ночами,
шевелим губами невпопад?..
Я скажу (но это между нами):
а не тянуть ли сто пятьдесят
джина чистого (я ненавижу тоник)?
...В голове тотчас шурум-бурум!..

Верно, Вероника, я ироник?
Стоик, хроник, вороненок, врун.
Все, что я плету – дели на восемь,
если сразу не на тридцать шесть...
Грохнусь вот сейчас, что силы, оземь –
обернусь котом, и дыбом шерсть!
И... сбегу. Окрестными дворами.
Не ищи меня, надев очки.

Стану издали следить за вами,
сузив острые свои зрачки.
Как поэт – невидимый, но зрящий
в корень, слово верное любя,
для общения – совсем пропащий...
Впрочем, – и для самого себя...

НОЧНОЙ ЗВОНОК ИЗ ФЛОРИДЫ

О, Америка – пестрая лошадка карусельная!
Ты мне снилась столько лет и зим подряд:
города твои молочные, берега кисельные;
Фенимор твой Купер, твой Брет Гарт;
твои скво широкоскулые и гангстеры широкополые;
дяди томы, томы сойеры и всадники без головы...
Годы безнадежные мои, бедные, веселые,
где же вы?

О, Америка – неведомый парк с аттракционами!
Сладкий леденец, приманка, яблочный пирог...
Все никак не справиться с утратами, уронами,
подвести какой-нибудь итог
жизни ли, желаниям ли, снам. Судьба туманная
завела и бросила... И тайны больше нет.
Что ж, прости-гудбай, земля обетованная,
пламенный привет!

Мне к тебе не вырваться уже из нашего убожества.
Не прорваться, лихо выхватив калибр тридцать восьмой...
Наплывай же, наплывай себе сквозь риффы Джонни Ходжеса,
Бог с тобой.

Все давно изжиты сожаления, все слезы пролиты...
Позвони мне, что ли, друг мой, как-нибудь, валяя дурака,
из своей восторженно-провинциальной Флориды:

- How are you?
- Да жив еще пока.

ТРОИЦА, ПИСЬМО ДРУГУ

Г. Кольнику

Здравствуй, друг мой, я пишу тебе отсюда – сюда,
потому что есть мысли невыразимые вслух;
есть слова невозможные, горькие, как лебеда;
и такие дела, что язык немеет, мертвеет дух.

Ты подумаешь, верно: «Господи, что он несет?»
Не спеши. Ничего, кроме правды. Есть темные дни
утомления крайнего, когда просто все,
все на свете противно, не хочется жить, пойми.

Вот послушай: когда я был высажен... выброшен был,
на пустынный наш берег был сброшен, почти что наг,
я наткнулся, к лесу поднявшись, на ряд могил
(если склад костей можно назвать именно так).

Там стоял экскаватор – чудовищный ихтиозавр,
и утробно урчал, и его укротитель лихой,
обернувшись случайно, увидел меня и сказал
удивленно: «Однако, откуда здесь взялся живой?»
... Мы курили потом. Он твердил все: «Чертов песок!
Осыпается, сволочь... Не знаю, сколько же их?...»
Он поднял желтый череп, хабарик просунул в висок:

– Аккуратно работали, суки! Навылет... Двоих...

И я пальцем провел по грани глазницы пустой:

– Кто он был? Кем он слыл? Никому теперь невдомек.

– Шут, – ответил мне парень, – знает, кто он такой.

Бедный Юрик какой-нибудь, Толик, Витюша, Санек.

Сорок тысяч несыгранных судеб под коркою льда...

Сорок тысяч неведомых братьев в яме лежит...

Кто любил их? Кто ждал их? Кто письма писал в никуда?..

На какой же однажды мы спятели почве, скажи?

Ты представь: это я по откосу в могилу лечу,

и стоит вертухай, в приклад упираясь плечом...

Не о смерти, мой добрый Горацио, я лепечу –

все о жизни, о жизни, и больше, мой друг, ни о чем.

МАЛЕНЬКАЯ ЛОНДОНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Георгию Бену – вдогон

Я пишу эти строки сейчас из столицы мира;
здесь сегодня туман и морось висит над Темзой.
Это ветер нагнал облаков нам из Глостершира,
и картинка размазана, словно затерта пемзой.

Что запомнишь, любитель точных примет в дороге
и привязок на местности? Что разглядишь в тумане?
Если вдуматься, что же с собой заберешь в итоге,
кроме этих размытых, не в фокусе, очертаний?

Протекает жизнь чередой мелких событий,
ни одно из которых всерьез уже не волнует...
Я сижу под зонтом у реки. Никаких наитий.
По соседству туземец на кокни своем токует,

не ко мне обращаясь, а к мопсу с походкой шаткой.
Вот прошли и пропали, как будто бы в сизо-сером
полотне растворившись сислеевском без остатка.
Что еще?

Ничего.

Вот и жизнь прошла между делом.

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ

1.

Ты не пишешь. Что, сил не достало?
Дремлют музы твои и хариты?
Что тебя так вконец испугало:
бедность жизни чужой?

Незабытый,
опрокинутый в сонную одурь
мир, скончавшийся в одночасье?
Или, юности нашей в угоду, –
однодневное скудное счастье?
Ни стихов не дождусь я, ни песен
от тебя.

Так о чем я тоскую?
Ты когда-то мне был интересен.
Я любил твою точность сухую
и шершавый, наждачный твой юмор...
Знаешь, братец, я тоже умею...
Мне недавно приснилось: ты умер,
а точнее, свернул себе шею.
Извини, я без злобы... Помнилось:
снег сверкающий, скользкие лыжи...
Альпы? Татры?..

Пойми, сделай милость,

мы не так безнадежно бесстыжи,
не настолько бедны и убоги,
чтобы кланчить привета, совета.
Мы свои выбираем дороги,
пусть кривые, лежащие где-то
в стороне от забот ваших плоских,
от пригляда в полглаза за нами, –
меж валдайских холмов, меж приокских.
Меж каастальских, забытых богами.

2.

Ладно, тоже мне друг – недотрога!
И с чего сам себя ты морочишь?
Я пишу постоянно и много,
но не то, что ты, видимо, хочешь.
Излияний тебе? А солги я, –
ты раскусишь и будешь рассержен?
Ну, не мучит меня ностальгия.
Ну, ни капли. Вот ты – ей подвержен.
Вспомнил: юность! – сопрелая вата
между окон в семидесятом...
Нас там нет, где мы были когда-то.
Да и где оно – это "когда-то"?
Для того, кто по миру кочует
и к истоку уже не вернется, –
лары там, где он нынче ночует,

боги там, где он завтра проснется;
где очнется с просроченной ксивой
или в доме на "цюрихской миле"...
Написал вот, как видишь, красиво –
рудимент обветшавшего стиля.
Эта лирика мне надоела.
И советов тебе не готовлю.
Хочешь верь, хочешь нет – твое дело –
я тебя вспоминаю с любовью.
Но живешь ты, как будто в тумане
весь во власти воспоминаний...
Не сердись.
А на лыжах в Монтане
я катаюсь. Запомни, в Монтане.

* * *

...вспоминая А.Г.

Ну что, прошептал свое «здрате»
Усть-Нарвским заснеженным дачам?..
Ни вздоха по прежним пристрастьям,
ни всхлипа по прошлым удачам.

Замерзни, безвольное сердце,
прощальным внимая обетам.
Куда нам от памяти деться,
и надо ли помнить об этом?..

Декабрьской пургою завесим
сырые чухонские срубы...
Ни плача по далям и весям,
ни стоны сквозь сжатые губы.

Мы больше сюда не вернемся.
Уже ничего не случится.
Мы просто с тобой разминемся
у сонной эстляндской границы.

В шуге мутноватой Нарова,
в наросших торосах излука...
Ни слова о страхе, ни слова.
Ни звука о смерти, ни звука.

* * *

Казалось, прочнее бетона и стали
союз – не подвержен ни порче, ни сглазу...
Прощай, мой собрат. Мы врагами не стали –
мы просто не встретимся в жизни ни разу.

А если столкнемся на людях, при свете, –
немые заложники общего круга –
мы просто друг друга с тобой не заметим
затем, что уже не узнаем друг друга.

Какой еще требовать лепты и платы
за страх не прощенья и стыд отреченья
в той жизни, где в чем-то мы все виноваты,
где мы превращались в бесплотные тени?

Прощай. Не храни моих писем, не надо,
опасность предчувствуя нюхом и кожей...
Мосты сожжены и разбиты рокады...
Не жалко.

И все же...

ИСЧЕРПЫВАЮЩЕЕ ОПИСАНИЕ ВИСБАДЕНА
(письмо С.Ф.)

Федор Михайлович здесь проигрался
и в пух и в прах.
Уж так расстарался –
вон его бьют в кустах.
В знак благодарности, по заказу –
и на века.
Но я здесь в продаже что-то ни разу
не встречал его «Игрока».
Оно и понятно: ведь антиреклама –
какой идиот,
роман прочитав, вот так вот прямо
тут же к рулетке пойдет?
И меня соблазняли: ну, не по азарту,
а так – для души...
Но я не пошел, не рискнул на карту
поставить свои гроши.

Что здесь еще? – А и в самом деле –
знатный курорт!
Прямо на площади перед отелем
источник полезный бьет.
Вода так себе: с кислинкой водица,
плюс сорок пять.

Можно умыться, напиться, побриться,
и сразу здоровым стать.
Врачам лафа: все болячки сами
наружу, только глотнул...
Но мнительным что-то я стал с годами
и не рискнул...

Еще здесь арабов больше, чем в Мекке –
на каждом шагу...
Еще здесь, еще... Но я не Бедкер,
и все описать не могу...
Я даже не Пурин со взором орлиным.
Уж он бы копнул:
такой бы культурный пласт отвалил нам!..
А я не рискнул.

на уровне жизни

* * *

Вот жить бы поживать во времена иные.
Но их не выбирают, по словам поэта...
Я жил тогда в стране, похожей на дурные
песочные часы в одну шестую света.
Я жил, как все. Как все, я понимал: все липа,
все – мутная слюда переводных картинок...
Песочные часы! Без стука и без скрипа.
Да кто б и различил шуршание песчинок,
запаянных внутри?

Но наряду со всеми
давась в очередях
продмагов и буфетов,
кто мог не замечать,
как утекает время
в гребенки проходных
и щели турникетов?

Безвестные бойцы –
песочек на дороге...
Не жизнь во все концы,
а сумма тавтологий.
Не страсть, а маята
и самоистечение.
И даже смерть, и та –
всего лишь повторенье.

Часы перевернут,
по новой все замесят...

И мир – не мір,
и труд – не труд.
И май – не місяц.

* * *

В новенькой форме своей темно-синей
снудый гаишник – в накидке и кепи –
словно из фильма явился Феллини.
Скажешь, похоже?.. – Куда уж нелепей.
Что он там помнит и прячет умело:
грязь, и ухабы, и серые срубы?..
Ну, останавливай. Слово и дело.
Что ж он кривит так презрительно губы;
в сторону смотрит, от скуки зевает?..
Он не на мне ли решил отыгаться,
выросший мальчик? Он так изживает
сладость поллюций и стыд мастурбаций?

Ой ли! С поправкой на ветер и стужу
в мальчиках наших все комплексы те же,
но по-другому выходят наружу,
их по-другому лелеют и тешат.
Их сублимируют грубо, банально,
с волчьей ухмылкой, с шакальей повадкой...
Право – сомнительно, власть – минимальна,
мизерна мзда, и берется с оглядкой.
То и противно, что выигрыш ничтожен.
Наш разговор кто бы умный послушал...
...Что ж я нарушил? И сколько я должен,
если и правда я что-то нарушил?

* * *

Запьянцовский, нескладный, не клеящийся разговор.
Кто соседство это случайное мне навязал?
Вот уставился на меня мутным взглядом в упор
и чего-то все гонит про священное море Байкал.
Про дурные, криминальные, вроде, дела;
про каких-то зловредных, но гордых военспецов;
про какую-то Люську, которая ему не дала...
И синодик своих обид предъявить мне готов.

Он кому-то в застолье троюродный, что ли, брат.
Он слова забывает уже и смотрит куда-то вбок.
Я зачем его слушаю, машинально жуя салат?
О, хотя б ветерок свежей мысли, шулки глоток!

Впрочем, пусть его, ладно. Кто же из нас не привык
равнодушно соседствовать с чьей-то чужой маятой?
После пятой решишь: да нормальный, в общем, мужик.
Ну, зануда. Так все мы – зануды после шестой.
И не так ли все слушателя постороннего ждем,
и не так ли сами слушаем посторонний бред?
Как мы плотно друг к другу пригнаны за одним столом –
в тесноте и в обиде – и зазора меж нами нет.

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСЕНКА

«Одному не надо пить...»
О. Мандельштам

То лаская и врачуя, то тревожа по ночам,
где, в каких горах кочует память, по каким холмам?
Может, где-то под Гелати, за Телави, может быть?..
«Эй, ходи сюда, приятель! Одному не надо пить.
Одному кутить накладно. Вместе – вдвое веселей.
Одному и петь нескладно: «диди-лило-лади-лей!»

Не зови меня, мой Гия. Как мою тоску залить?
Времена пошли такие: в одиночестве мне пить.
Все осталось в нашем прошлом: винный пар,
шашлычный дым...
...Человек бывает пошлым. Человек бывает злым.
Человек бывает подлым. Очень... и еще подлей.
А народ бывает гордым! Ой-де-ладо-лади-лей.

За стаканчик «Цинандали» нас любви лишили, брат.
Как мы это прозевали? И никто не виноват?
Вот и пью я водку злую – и никак не разберет! –
за страну уже чужую, за помин ее щедрот.
И обида, и досада. И противно, хоть убей...
О, дела, дела... де-ладо-
диди-лило-лади-лей!

* * *

Этот ровный свет за облаками
смазал грань залива и небес...
Горизонт засижен рыбаками –
мирными фанатами чудес.
Их азарт конгениален долгу,
и его ничем не утолить.
Но удача не гостит здесь долго,
и ее на всех не поделить,
как тех рыбищ в ивовой корзине,
вот таких... нет, больше: во-от та-аких!..

Что за страсть: в заснеженной пустыне
день у лунок продремать своих!
Тусклый лимб остуженного солнца,
от пороши льдистой ломит лоб...
Кто из них однажды не проснется,
превратившись до весны в сугроб?
Кто однажды на последней льдине
отплывет отсюда в никуда?
И кому лежать в придонной тине,
дожидаясь Страшного суда?

Дай им, Боже, всем по равной части
от улова скромного на вид...
...Сыт ли каждый, потому что счастлив
или счастлив, потому что сыт?

* * *

С каким-то в лице перекосом
и мрачно-облезлый на вид,
сидит вот и, шмыгая носом,
бубнит, и бубнит, и бубнит.
С гудением, цоканьем, свистом,
щербатым ощерившись ртом:
«...я был батальонным связистом,
а этот козел... был козлом...
... вот стервы. Слетелись на нашу
могилу. Жируют и жрут.
...Они там сварганили кашу,
а мы тут... расхлебывай тут...»
Шизоидный хмурый брательник,
из ступора вышедший враз,
сокамерник мой и подельник,
кому этот дикий рассказ?
О ком он – то громко, то тихо,
взахлеб, без конца?..
 Без конца
обида трамвайного психа
кружит от кольца до кольца.

СЫНОК

Вот нажрался! Вот разорался некстати, –
не злодей, а просто пупс, дуралей...
«Эх, вот дали бы мне, – кричит, – «Бугатти»
в триста восемьдесят лошадей!

Ох, и круто бы встал я на зависть бате!

Ох, носился бы всех быстрее!»

Ну, и кто ж ему даст? Не я же – нищий
в его глазах. Что взять с меня – четвертак?..

А скажи вот ему, что он как Поприщин,
ведь обидится, не поймет дурак.

(Хотя Поприщин-то наш – почище:

Испанский король, как никак).

А этот-то?..

«Дайте! Дайте! Хочу!» – в пьяном угаре.

Вот вам клиника на тему детей и отцов.

Да дайте ж ему, что ли, его Бугатти, Феррари,
хрестоматийную тройку, в конце концов.

Пусть отвалит отсюда куда подале.

Видали мы таких молодцов!

Пусть до первого только столба и домчится,
и финиш... и последнее «мать-перемать!..»

Есть такие – с печатью отчаянья – лица;
несложно всю судьбу прочитать.

Пожалеет его. Не будем злиться –
ему молодым умирать.

* * *

Елене Прокопьевой

...за «Голуза» горький дым,
за тонких женских рук излом;
за очарованность одним,
разочарованность в другом;
и за щемящий этот шарм,
за ревности и страсти сплав;
за это вот «падам-падам»
бессмертное Эдит Пиаф;
за этот страх, за этот пот,
за топоток ступней босых;
и за отрыв, и за полет
над рябью взлетной полосы;
за танец, сотканный из снов,
за вечный и сквозной сюжет,
где жизнь понятна и без слов.
А смерти нет.

* * *

*Памяти моего финского переводчика
Аксели Кайанто, убитого в Москве*

Как же так, говорю, как же так, бессильные сжав кулаки.
Все слова бесполезны, когда в ночи остаешься один.
Знаешь, я полжизни учился любить эту страну вопреки
равнодушию ее прибитых тоской равнин.

Но зачем же и ты прильнул к этой тоске?
Никогда никакая речь шелестящая не потрясет здесь основ,
где о братской любви пелись песни на сто одном языке
и о дружбе навек гремели трубы со всех столбов.

А когда от этой любви прогнившей повалил смрад,
и когда уже выцвел напрочь краснознаменный шёлк,
оказалось: человек человеку – не друг, товарищ и брат;
человек человеку – волк.

За копейку продаст, за две удавит, за три – удавится сам,
то ли молясь при этом навзрыд, то ли зло матерясь...
Боже мой, ничего не поправить уже... И Москва не верит слезам.
Оперá безучастные привычно декабрьскую месяц грязь.

И тебя наш великий-могучий – твой любимый – окаянной ночью не спас.
Да и мне его не хватает – так стыдно – чтобы каяться за других...
И все же переведи эти строки в той жизни, где ты сейчас;
все слова однажды достигают небес... Знать бы, каких?..

СТАНСЫ В ОБЛАКАХ

Улетая в 14.40,
прилетаешь в 14.10...
Неподвижного времени морок
не понять, не измерить, не взвесить...

Ни зацепки тебе, ни приметы.
Под наплыв дурноты и зевоты
ты висишь в неопознанном «где-то»,
заполняя собою пустоты.

Мотыльком на булавке, ванессой
под стеклом у седого юнната...
Тверди нет – ни земной, ни небесной,
никакой. Только серая вата.

Что ж, еще повиси, поболтайся
в безотсчетном пространстве дремотном.
Ты не взвешен еще, не пугайся,
ты еще не причислен к бесплотным.

Ты успеешь еще приземлиться
там, где времени будет навалом...
А пока – можешь просто напиться,
со стюардом повздорив усталым.

* * *

Б. Григорину

Не хуже, не лучше, но так, как умеем
мы все говорим, только так, не иначе.
К каким нам стремиться еще Эмпиреям,
где слово бесплотно и мало что значит?
Нет, здесь и сейчас, и ни дальше, ни ближе –
останется всё – ни длинней, ни короче, –
что выкрикнул другу во гневе бесстыже,
что выдохнул милой под пологом ночи...
За всё отвечаешь: за ложь и за лажу.
На этом стою – и сойти не умею –
на уровне жизни, с которой не лажу,
на уровне речи, которой владею;
где равно беспутны и та и другая,
и свистом наполнены, грохотом, гамом...
Где корчится улица, слезы глотая,
словами давясь, как паленым «Агдамом».
Где уровень страха и уровень бреда,
совпав, застывают на риске раздора;
где сам ты – объект чьей-то рваной беседы,
предмет разбирательств и тяжкого спора.
Где любят и губят, спасают и тонут.
Но где нас хоть кто-то когда-то услышит;
где боль и любовь одинаково стонут... –
на уровне жизни – и только, не выше.

ЧАС СОВЫ

В темноте уголек сигареты чертит зигзаг...
Говори, говори, на забавном своем лепечи,
на кошачьем мурлычь... Мы с тобою одни.

Нет, не так:

мы с тобою – одно – нераздельное в этой ночи.
Но когда тишина обступит со всех сторон;
и когда мы, прильнув друг к другу, с тобой заснем,
я хотел бы незаметно проникнуть в твой сон,
и неузнанным до утра оставаться в нем.
В глубину его, как в омут, уйти с головой;
подсмотреть и подслушать, узнать до конца хоть раз.
Я хотел бы, пусть на мгновение, стать тобой;
я хотел бы чувствовать то же, что ты сейчас.
Я хотел бы, хотел... Но эта закрыта дверь,
потому что нельзя быть ближе, чем были мы,
потому что нельзя быть дальше, чем мы теперь;
потому что совсем нам разные снятся сны.
И во сне своем каждый из нас одинок
и беспомощен, и морочит его тоска...
...И невидимой сигареты горчит дымок.
И стекло дребезжит. И комар гудит у виска.

ЧАС СОВЫ

1.

Есть в сутках томительный час
Тупой бессознательной лени,
как будто исчерпан запас
бесплодных ночных размышлений.
Как в детстве пугает опять
ветвей за окном мельтешенье.
Кто дал бы мне мудрость понять,
принять эти страх и волнение?

София! Сестрица Сова,
укрытая чащей лесною,
где в полночь звенит трын-трава
под острой и нежной косою.
Туда – в эту сонную глушь,
к ожогам случайных пожаров
лети, запоздалая чушь
беспомощных детских кошмаров.

Исчезни, остудная дрожь;
сгинь, страх, не найдя выраженья!..
Кого за окном узнаешь,
всмотревшись в свое отраженье?

Тот мальчик дрожащий – не ты?
А кто же – сквозь мрак законный
увидел лицо пустоты,
зев смерти, в ночи растворенной?

2.

Брось швырок на скрипучие козлы;
с разведенной двуручной пилой
согревайся, покуда не поздно...
Нас не то что сентябрьские звезды –
нас и солнце не греет порой.

Нам не то чтобы слишком досталось,
и еще непонятно пока,
состоялась ли жизнь? Состоялась?..
...Подползает сутулая старость.
Не смотри на нее свысока.

Скучный дождь, отсыревшие спички,
за сараем осина дрожит...
Под глухой перестук электрички
раскавычь это все по привычке
и привычно в строку уложи.

Эту ночь. Эту жизнь – недотрогу,
этот тусклый мерцающий свет...
Поработай, согрейся немного...
И один выходи на дорогу,
где ни Бога, ни дьявола нет.

Где ни звезд на замыленном своде,
ни дрожащих ночных фонарей;
где душа, бесконвойная вроде,
но как будто на привязи бродит
подле тесной темницы своей.

3.

Разбазаривший дни свои по мелочам,
растранжиривший годы, теперь – налегке –
это с кем ты беседы ведешь по ночам
на конечном, шершавом своем языке?
Это с кем же тебя до рассвета свело?
Это с кем – по душам, и кому – о душе?..
Время было на вырост, а стало – малó,
то есть мало его остается уже.
На столе ночничок, под рукой карандаш.
Ты в какую собрался нездешнюю даль?..
За последние истины что не отдашь?
Кроме жизни, возможно, которую жаль.

* * *

– Ты прекрасна, возлюбленная: мед и млеко твои уста,
твоя шея – атлас, и зубы белее, чем мел...

...Хочешь, я расскажу тебе про то, кем не стал
в этой жизни, кем не был и уже не буду, чего не успел.
Я не стал астрономом, художником, под парусом не ходил,
не катался на горных лыжах, не сплавливал плоты.
Не построил свой дом, и дерева не посадил.
Ни с немецким, ни с английским не стал «на ты».

– Ты прекрасна, любимая; черно-рунный поток с высот
Галаадских стекает, накрывая меня с головой...

...Из двух дюжин профессий, что кормили за годом год,
до конца овладеть не удосужился ни одной.
Ладно, хватит, не буду дальше умножать печаль;
перечисление своих несвершений – такая муть.
Но когда я говорю тебе, что ничего не жаль,
я не то, чтобы вру, но так – лукавлю чуть-чуть.

– Ты прекрасна, прекрасна, ни пятна на тебе нет!
Весь мой опыт не стоит движения губ твоих...

...Я умею всего лишь худо-бедно связать сюжет,
прошивая слова тонкой нитью смыслов сквозных:
и бессвязный лепет полночный вплести в рассказ,
и беспечный смех, и будильника мерный стук...
И науку любви осваивать заново, как в первый раз, –
бесполезную и самую грустную из наук.

140 РУБЛЕЙ

Мне снилось: я должен кому-то 140 рублей.
Кому и за что – я не помнил во сне, хоть убей.
И сумма дурацкая – тоже мне деньги! Когда
я их одолжил, у кого и зачем?.. Ерунда!
Но сон был так явственно ярок и мучил до слез;
я должен, кому-то я должен давно и всерьез.
Я деньги чужие истратил. Я их не вернул.
140 рублей! Что я сделал: пустился в загул?
отдал лохотронщикам или купил тебе роз?
Не знаю. Не помню. Но должен давно и всерьез.
И снилось мне дальше (о, не пожелать и врагу!),
что, долг не вернув этот страшный, я жить не смогу;
зачахну, завяну, и жизнь превратится в бедлам;
и жутко, и тени каких-то людей по углам...
И я прокляну сам себя до конца своих дней!
Вот так мне аукнутся эти 140 рублей.

* * *

Проснулся и вскочил: что за мура!
Кому я нужен – спящий индивид?
Кто мне звонит в шестом часу утра?
Что хочет мне сказать? Чем удивит?

Что там – обида, ревность или страх?
Причем тут я? Зачем? – Отшей, отбрей!
Рассыпьте, стены Иерихона, в прах!
Заткнись, Бизе с дитем любви своей!

Вот вам любовь: какой-то тип, шутя,
набрал случайный номер... то есть мой...
Вот вам свобода. Вот ее дитя –
игрушка с музычкой заводной.

Разрушивший не жизнь, а только сон,
трубач тщедушный, маленький палач...
По ком звонит... мобильный телефон?
Ликуй, Исая, Иеремия – плачь!

МАЛЕНЬКАЯ НОЧНАЯ БАЛЛАДА

Что, чудо мое, засыпаешь,
ныряешь в свой сон без глубин?
А мне для бессонницы, знаешь,
не надо особых причин.
Бывают такие минуты
на склоне тяжелого дня,
когда, чьи не знаю, ведуты
как будто морочат меня.
Не сон, но такая истома!
Не явь, но такая тоска!..
Мерещится мне незнакомый,
загадочный город в песках.
Он зыбок, он чуден, он странен;
раскрашен под яркий лубок.
Предместий в нем нет и окраин.
К домам подступает песок.

Я знаю: мне это не снится;
сознание прозрачной стекла;
и щеку щекочат ресницы
твои, и рука затекла.
Я, кажется, чувствую даже,
как ты беспокойна во сне...
Но снова как будто увражи
цветные являются мне.

Вот мост – тоже чья-то причуда –
он так непомерно высок!
Реки – в никуда ниоткуда –
почти неподвижный поток.
Трамвайные рельсы... но странно:
ни станции нет, ни кольца –
выходят они из бархана
и, кажется, нет им конца.
Какой-то веселый трамвайчик
по улице катит, звеня...
В окошко уставился мальчик.
И мальчик – похож на меня.

Нет, нет, я не сплю; я ведь слышу
дыханье твое у плеча;
как дождик царапает крышу,
как моется кошка, урча.
Но только глаза закрываю,
и вижу, как будто в кино:
бежит, спотыкаясь, к трамваю
приятель, умерший давно.
Девчушка смешная в панаме –
я помню, я помню ее...
Армейский товарищ, на Каме
нырнувший в небытие...

Отец (он уснул на рассвете)...
Дружок (перепил на троих)...
И этот... и эта... и эти...
и... Боже мой, сколько же их!
И дружная эта когорта
за звонким трамвайчиком мчит;
и машет руками, и что-то
кричит всё беззвучно, кричит.
И я... то есть мальчик в трамвае
не знает, о чем и зачем...
все дальше от них уплывая,
все дальше от них... насовсем...
Но помнит, что видел такое,
чему и названия нет:
страну за последней чертою
и ровный, без проблесков, свет.

ТАК СТАРЕТЬ...

Не катиться вниз и не стремиться ввысь...
не лукавить, не судачить, не галдеть...
Быть последним. По обочине плестись,
под ноги внимательно глядеть.
Позабыть, куда засунул белый флаг...
не спешить, не суетиться... Не успеть...
Опоздать к раздаче почестей и благ.
Так стареть.

старая карта

* * *

Эта старая карта все врет! – чем старей, тем чудней, –
разве это Европа? Картограф такое загнул!
Мы куда попадем, если слепо доверимся ей?
Вон где Киев, прикиньте, а где его дядька – Стамбул!

Инструмент был ни к черту. XVI век, что возьмешь!
И Берлин – у Твери, и Варшава стоит под Москвой...
Ах, все выдумки, байки, а правды – на ломаный грош...
И английская спесь залила пол-Европы собой.

Географию правит не меч, а лукавая речь.
Берега оплывают и реки к истокам текут,
если кто-то прикажет, что так им и следует течь.
Эта карта английская, точно. Картограф был плут.

Все картографы – плуты. Их точность зависит скорей
от желанья властителей новые земли найти.
Каждый, каждый стремится в историю с правдой своей,
искажая масштабы деяний своих по пути.

На глазок примеряя по сетке долгот и широт,
прибирая к рукам, привирая всегда и везде...
Лишь увядшая роза ветров не лукавит, не врет,
потому что привязана к вечной Полярной звезде.

ЭМИГРАНТ

Разговор ни о чем за чашкой чая.
Самокрутка скручена умелой рукою...
– Вы скучаете?

– Нет, я не скучаю.

Это что-то другое, совсем другое.
Жизнь грустна, грустна, никуда не деться.
Я мечтал забыть свое прежнее имя.
Я хотел бывшее оторвать от сердца;
повидав Париж, умереть в Риме.
Как любой...

– И что?..

– А-а, все без толка.

Что я понял, изгнанный правды ради?
Я объехал весь мир. А помню только
абжур оранжевый на веранде,
вьюн, ползущий вверх по стене кирпичной,
как скрипела калитка...

Такая малость!..

– Это старость.

– Не очень-то вы тактичны.

Но, похоже, что правы: и это – старость.
С маятой сварливой приняв соседство
непонятной и скучной чужой свободы,
я живу, постепенно впадая в детство
и навстречу рожденью считая годы.

– Ну, а любопытство?

– Да. Соблазняет.

При попутном ветре и теплой стенке...

Но уже безмерность вещей пугает
с безнадежностью точной их оценки.

– А вернуться?

– Куда? На пепелище?

К дорогим гробам? И, между прочим,
ну кому я там нужен полунищий?

Еще чаю?.. И всем – спокойной ночи...

* * *

Обязательных школьных программ оковы;
что мы смотрим – пятьсот недоумков в клубе?
Пленку рвущий шестнадцатимиллиметровый
тарахтящий проектор... И скука в кубе.

Дряхлость мира прихлась на нашу юность.
Свежесть жизни прихлась не впору детям;
дуновеньем легким едва коснулась,
отлетов на долгие десятилетия.

Время нас отучило считать потери.
Мы смеемся затем, что слез не знаем,
увидав, как слуга у забитой двери:
суетится, трогательно неподражаем;

с неуклюжим и старческим полупоклоном
и с рокошущей жалостью неутешной...
...Боже мой, разве мхатовским баритоном
распинаться в бедной любви кромешной,

если целая жизнь навсегда пропала?
А в соседнем, всего в двух шагах, квартале
под овации белоколонного зала
мастера других мизансцен блистали.

* * *

Окончив ФЗУ без троек,
сверкали, выпорхнув из клеток,
Богини комсомольских строек,
Венеры первых пятилеток.

Раздел бы этих комсомолок
художник, но строга эпоха
косынок, кепок и футболок.
А впрочем, нет, – и так неплохо.
Кровь с молоком!

В упругом теле
стать новоявленной породы.
Не зря так дружно вожделили
к ним ДОСОАФЫ и ОСВОДЫ –
к ударницам и рекордисткам,
Брунгильдам блюминга и домны –
с веслом в руках, с ядром и диском,
с отбойным молотком огромным...

Стройны колонны Первомая,
ясны сияющие дали...
И широка страна родная –
они другой такой не знали.

* * *

Есть пафос проклятий и пафос признаний чужих,
и жалости пафос несносный ответный. Но тот,
кто долго взахлеб говорит о страданиях своих, –
однажды соврет.

И выйдет неявный, возможно, но все-таки – срам.
Что жалобщик слышит, токуя, в своей глухоте?
...Шаламову верю. Жестоким и трезвым словам,
тяжелой его правоте.

Что значит цепляться за слово, за совесть, за стыд,
когда понимаешь, что нет ни «тогда», ни «потом»,
когда сострадание в обнимку с бездушием спит
в тебе же самом?

Нет, нет, не сравнение ужасов: только одно
такую цену добытое, Боже прости, –
упрямое страшное знание – только оно
и может спасти.

..Бульдозер крестится ленд-лизковский на вираже
и боком сползает по осыпи в ад ледяной,
где люди как трупы, а трупы как бревна уже,
и где для души и отдушины нет ни одной.

* * *

Маме

Когда воспоминание изжито,
и ты свободен, то есть не влюблен,
тебе – потомственному одесситу –
не снится ни Примбуль, ни Лонжерон;
ни выцветшая зелень винограда
на спуске к морю, ни коварный мол,
ни полуциркульная колоннада...

Что потерял ты здесь? И что нашел?
Ни лиц знакомых, ни одной зацепки,
чтобы отчаянно влюбиться вдруг
в болотную брусчатку Клары Цеткин,
в платан облезлый Розы Люксембург.
Куда там Федра (прямо из Парижа),
какой там зал (важней Гранд Опера!) –
я тетю Дору больше не увижу
на ярусе одесского двора.

Одни обрывки снов и мифологий;
соленый с бородою анекдот...
Белей в тумане, парус одинокий,
кромсай волну, настойчивый швертбот!
Пора проститься, пыльный наш Элизий,
наш черноморско-эллинский фасад...
Какая смесь иллюзий и аллюзий!
И никого, кому ты был бы рад.

ТРИНИТИ КОЛЛЕДЖ

Как мгновенный стоп-кадр при вспышке блица,
как игрушка и блажь, оазис в пустыне,
эти корты, я знаю, мне будут сниться,
и дразнить, и морочить меня отныне.
И реальность путая с миражами,
разволнуюсь, и станет уже не до сна мне,
когда свет, блуждающий за витражами,
превращает туман и ветер в камни.
Чья-то речь там звучит темно и глухо
и внушает: любое слово и дело –
все есть только череда воплощений духа
наряду с чередой превращений тела.
Ни одна из истин не бывает вечной,
никакая правда не бывает точной...
Посмотри, что там Ньютон писал беспечно –
словно роспись вистов в игре полночной –
в записной его книжке.

Какая ересь!

Может, просто расчеты его законов?..
Все осталось... Но нам-то досталась прелесть
алебастровых стен и стойких газонов.
А и правда, по травке и путь короче,
и горшки обжигают не боги, не боги...
И спешащий профессор лужайку топчет,
хрустким яблочком лакомясь по дороге.

В ВИДУ ПИРАМИД

Жара, песок и пирамиды;
стада туристов, ахи-охи...
И белоснежные хламиды,
и белозубые пройдохи.
Как ты взлетел на горб высокий,
и сам не понял... Просто чудо!
И где ж теперь твои зарюки?
Высокомерней ты верблюда!
Серьезный слишком, слишком нервный,
на Гумилева ты похожий...
Сиди, покачиваясь мерно,
плыви сквозь время с умной рожей
и озирай, судьбе покорный,
посредством оптики прицельной
оазис жизни рукотворной,
пустыню смерти беспредельной.

КЕЛЬНСКИЙ СОБОР

Здесь, где в сумерках исповедален
оседают гордыня и страх,
слишком замысел вымыслу равен,
слишком кажется дерзким замах.
Этот каменный сад, эти кроны,
виноград этот дикий, хмельной –
не затем ли он рос так упорно,
чтобы с каждой новой войной,
почерневшим в смертельном ущербе
и опять не доставшим небес,
распадаться в строительный щебень
и по новой идти на замес.
Кто же так потакал долгострою:
люди, нелюди? Может быть, тот –
отбирающий левой рукою,
то, что правой рукою дает?
Не к нему ли стареющий зодчий,
помнишь, – статики верный адепт,
из глубокой коричневой ночи
выходящий, сутулясь, на свет,
обращался: «За восемь столетий
одолев этот гибельный путь,
я взорву все соборы на свете,
чтобы только любимых вернуть!

И разрушивший все, что настроил,
прокричу в неподкупную высь:
Я заботы твоей недостоин.
Не смотри на меня. Отвернись.
Под прощальный обвал канонады,
среди этих развалин немых
не люби меня больше. Не надо.
Но верни мне любимых моих.»

**КОГДА
НЕ
ПИШЕТСЯ**

* * *

В. Капустиной

Ну, засвистел! – не нам чета;
нам так не рассвистеться...
Кто там у соловья считал
все выверты, коленца?
Ему несложно: правил нет;
ни рифмы нет, ни метра, –
одна лишь суета сует,
просеиванье ветра;
томленье плоти, щёлк-пощёлк
в кустах ночного сада;
влюбленности истертый шёлк,
забава и услада.
Не нам тягаться с соловьем
в хмельном искусстве свиста...
И мы по-своему поем,
вне слов не видя смысла.
Оставим же ему в ночи
рулады эти, трели...
А ты – шепчи, да хоть кричи,
бубни, на самом деле!
Произнеси, проговори,
забудь, начни по новой...
А он – до утренней зари
трещит пусть бестолковый.

* * *

Не твои, дружок, и ритмы и мотивы.
Ты рискуешь здесь надолго задержаться,
взяв размер, с которым разве что ленивый
не попробовал однажды разбежаться.
Ну, еще бы! Ты займы берешь без страха,
что придется отдавать...

Неутомимо

сотню строчек кропаешь одним махом.
Ну и что?.. И ничего – проехал мимо.
Потому что кое-что есть за словами,
что не терпит наших бурных междометий;
это – вдох и выдох, сделанный не нами,
это – звон чужих литавр и отзвук меди.
Это горечи – не нашей – хинный привкус;
страх и нежность на пороге долгой ночи,
где искусство есть искусство, то есть искус...
Ну а ты – чем отличаешься от прочих?
Диковатым, что ли, взглядом исподлобья?
Все мы так, когда желаем утешенья...
Но подобье есть подобье есть подобье,
и к искусству не имеет отношенья.

* * *

Какие тусклые, томительные ночи!
А может быть, напиться, вдрызг надраться,
нажраться, наюзюкаться?.. Короче, –
наклюкаться, нарезать, набраться...
В какую-нибудь щелочку забиться,
зарыться в плед, от мира заховаться,
закрыть глаза, заснуть, забыть, забыться...
Какие сны в том пьяном сне приснятся?
Какие сны!.. Какие злые лица!..
Проснуться быстро! Сладко потянуться,
Стряхнуть оцепенение, взбодриться,
очухаться!.. И невопад очнуться
в объятиях неведомой лахудры.
Ты кто, лахудра? Что за наважденье!..

“Глаголы, – Рейн заметил многомудрый, –
вот что важнее всего в стихотворенье.”
Ну да, конечно, – действие, движение;
строжайшие грамматические законы;
возвратные глаголы, их спряжение,
свистящих “ся” китайские поклоны, –
неверные косящие частицы
желательных, возможных состояний...
Нет, точно, все же следует напиться,
чтобы потом, зарывшись в плед, забыться...
...И никаких тебе переживаний.

* * *

«Разве мама любила такого?..»
Вл. Ходасевич

Глупым лег – не встанешь мудрым,
и веселым – с перепоя...
Не польстишь мне этим утром,
свет мой зеркальце кривое.
Все расскажешь без обмана;
неприглядная картина:
а) безжизнен взор туманный;
б) трехдневная щетина;
в)...такая тяжесть в теле...
г)... глаза болят от света...

Я ли это, в самом деле?
В самом деле, я ли – **Это?**
Что с собой я сделал снова?
Се не человек – могила...
Мама точно бы такого
никогда бы не любила.
Ни всезнающего взгляда,
ни возвышенного взора...
Свет мой зеркальце, не надо,
мне страшны твои укоры!

Не пеняй на эту рожу.
Разве рожа виновата,
что нормально жить не может
от восхода до заката?

НА ОНЕГЕ

Что наболтано мной, набормочено,
что растрчено попусту слов!..
В ветхом срубе, обветренном дочерна,
подсчитай невеликий улов.
Мальчик с удочкой, помнишь, – на корточки
он присел, и на нас не глядит...
...Ах, уплыть бы с тобой нам на лодочке
в этот сизый размыв впереди.

Тихой жизнью озерного жителя
жить бы нам, поживать, не грустя.
До соседской добравшись обители,
на полгода остаться в гостях.
Потому что от воли и разума
ничего не зависит порой;
от буксира зависит чумазого
и от тяги его рулевой.

От норд-оста, задувшего к вечеру,
от волны, забегающей в дом.
От тумана по шхерам; от нечего
делать в этом тумане густом.

Разве, сети вязать со старанием
да кижанку смолить.

Так и жить,
наконец расплатившись молчанием
за бесстыдную страсть говорить.

* * *

Дождик июньский по сурику крыши
вытравил ребра сквозной обрешетки...
Дети пицчат за окном, словно мыши...

... Что за мучение – почерк нечеткий!
Что там под утро (во сне, не иначе)
я накалякал?..

Сосед с перепоя
всех костерит, а жена его плачет...
И вентилятор гудит за спиною.

... надо бы вспомнить... а может, не надо –
строчки, – подумаешь, были и сплыли...

...Звуки полудня. Мелодика ада.
Что эти дети там не поделили?
Бедные, им во дворе этом тесно.

...Голос подружки по играм дворовым:
«Это нечестно, нечестно, нечестно!
Первое слово дороже второго».
Что там делили? Теперь и неважно.
Вспомнив, скорее всего, рассмеешься.

...Мысли в разбежку. Так душно и влажно,
что и окно не закрыть – задохнешься.

Вот и сидишь, и дурацкие рожи
мрачно рисуешь, и губы кусаешь...
Первое слово – дороже. И все же,
что же с ним дальше-то делать, не знаешь.

* * *

Не мастерству – его пока на грош,
не зубоскальству (туповатый нож),
не горечи придуманных страстей –
завидую всезнанию **детей**.

Не их веселой меж собой борьбе,
умению дозвать самим себе,
не эгоизму их... Но хоть убей, –
завидую всезнанию детей.

Не широте, куда там! – помолчим –
до широты еще полвека им.
Не легкости заманчивых идей...
Завидую **всезнанию** детей.

Вот умники и умницы, смотри,
они обставят нас на раз-два-три.
Но если откровенно, без затей:
завидую **незнанию** детей

о том, **жизнь** есть дар, а не оброк;
о том, что **опыт** – это не порок;
о том, что **старость** это не беда;
о том, что **смерть** – всерьез и навсегда.

* * *

Не получа́ется, не получа́ется.
И не получи́тся. Что же, бывает...
Стихотворение тихо кончается,
в смысле, – не кончено, а умирает.
Так угасает, как будто желание
жизни иссякло, надорваны жилы.
Реанимировать это создание
мне не достанет ни воли, ни силы.
Столько замарано, столько исправлено;
шtopка на шtopке. И в результате:
слово не сказано, мысль не проявлена.
Не получилось. Прости, мой приятель –
бледное рук моих слабых творение.
Может, однажды мы встретимся где-то
там, где и замысел и воплощение
равно бесценны.

Простимся на этом.

* * *

Я еще петушусь, петушусь.
– Я еще ничего, – говорю.
Я еще распишусь, распишусь
к сентябрю-октябрю-ноябрю.
Я еще похожу-поброжу,
пошатаюсь по этой земле.
Я еще покажу, покажу
в декабре-январе-феврале.
Я еще хоть куда – хвост трубой!
Не устал еще, черт побери!
Я еще молодой, молодой...
А в ответ: говори-говори...

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ

«Мы зачем шатаемся ночами...»	7
НОЧНОЙ ЗВОНОК ИЗ ФЛОРИДЫ	8
ТРОИЦА, ПИСЬМО ДРУГУ	9
МАЛЕНЬКАЯ ЛОНДОНСКАЯ ЭЛЕГИЯ	11
ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРПИСКИ ДРУЗЕЙ	
1. «Ты не пишешь. Что, сил не достало?»	12
2. «Ладно, тоже мне друг – недотрога!»	13
«Ну что, прошептал свое «здрасьте»	15
«Казалось, прочнее бетона и стали...»	16
ИСЧЕРПЫВАЮЩИЕ ОПИСАНИЕ ВИСБАДЕНА	17

2. НА УРОВНЕ ЖИЗНИ

«Вот жить бы поживать во времена иные...»	21
«В новенькой форме своей темно-синей...»	23
«Запьянцовский, нескладный, неклеящийся разговор»	24
ГРУЗИНСКАЯ ПЕСЕНКА	25
«Этот ровный свет за облаками...»	26
«С каким-то в лице перекосом...»	27
СЫНОК	28
«...за «Голуза» горький дым...»	29
«Как же так, говорю, как же так, бессильные сжав кулаки...»	30

СТАНСЫ В ОБЛАКАХ	31
«Не хуже, не лучше, но так, как умеем...»	32
3. ЧАС СОВЫ	
«В темноте уголек сигареты чертит зигзаг...»	35
ЧАС СОВЫ	
1. «Есть в сутках томительный час...»	36
2. «Брось швырок на скрипучие козлы...»	37
3. «Разбазаривший дни свои по мелочам...»	38
«Ты прекрасна, возлюбленная: мед и млеко твои уста...»	39
140 РУБЛЕЙ	41
«Проснулся и вскочил: что за мура!»	42
МАЛЕНЬКАЯ НОЧНАЯ БАЛЛАДА	43
ТАК СТАРЕТЬ...	46
4. СТАРАЯ КАРТА	
«Эта старая карта все врет!..»	49
ЭМИГРАНТ	50
«Обязательных школьных программ оковы...»	52
«Окончив ФЗУ без троек...»	53
«Есть пафос проклятий и пафос признаний чужих...»	54
«Прямая речь со временем ветшает...»	55
«Когда воспоминание изжито...»	56
ТРИНИТИ КОЛЛЕДЖ	57
В ВИДУ ПИРАМИД	58
КЕЛЬНСКИЙ СОБОР	59

5. КОГДА НЕ ПИШЕТСЯ

«Ну, засвистел! – не нам чета...»	63
«Не твои, дружок, и ритмы и мотивы...»	64
«Какие тусклые, томительные ночи!»	65
«Глупым лег – не встанешь мудрым...»	66
НА ОНЕГЕ	68
«Дождик июньский по сурику крыши...»	70
«Не мастерству – его пока на грош...»	72
«Не получáется, не получáется...»	73
«Я еще петушусь, петушусь...»	74

"Александр Фролов - мастер сюжета, построенного на самых разных ситуациях, иногда смешных, иногда - грустных... Его сюжеты удивляют неожиданностью. И юмором. Обычно упор на сюжет, поддающийся пересказу, обедняет лирику, как бы мастерски-свободно ни умещался в прокрустово ложе регулярных размеров. У Фролова сюжеты сохраняют лирическую влагу - они и остроумны, и лиричны, поистине новы: он вводит в стихи имена собственные, звучанием обогащающие семантику; подключает культурные реалии, сведения из разных областей знаний, цитаты из любимых стихов...

...Фролов в акцентных (и не только акцентных) стихах дает удивительно широкий спектр фразовой интонации разговорной речи. Его речевые мелодии запоминаются с ходу и возникают в памяти снова и снова, подобно мотивам..."

*Из книги Елены Невзглядовой "О стихе"
Издательство журнала "Звезда", 2005 г.*

